

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-4-691-703

УДК 821.161.1

Образ дракона в поэзии Н. Гумилева: китайский подтекст

П.В. Пороль

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

В статье рассмотрен образ дракона в поэзии Н. Гумилева. Новым в работе является выдвижение гипотезы об интертекстуальности поэм Н. Гумилева «Поэма начала» и А. Толстого «Дракон». Обоснован китайский подтекст образа дракона в поэзии Н. Гумилева. Актуальность темы обусловлена развитием изучения взаимного восприятия русской и китайской культур в пространстве поэтического текста. Вопрос о рецепции образа Китая в поэзии Серебряного века изучен все еще недостаточно. Настоящая статья ставит перед собой следующие задачи: проследить некоторые глубинные связи поэта с китайской традицией; изучить на конкретных примерах «китайской темы» в поэзии Н. Гумилева образ дракона; сопоставить восприятие образа дракона в культуре России и Китая. Рассмотрение в поэзии Н. Гумилева семантики художественного образа дракона, выявление обращения поэта к китайской мифологии и иероглифической письменности, обоснование взаимосвязи образа дракона в произведениях Н. Гумилева и А. Толстого стали результатами предлагаемой статьи. Рассуждения и выводы автора основываются на критических исследованиях, сопоставлении двух культур. Анализ поэтических произведений Н. Гумилева проведен в семантическом аспекте с применением метода текстовых параллелей. Исследование образа дракона в поэзии Н. Гумилева позволяет с еще одной стороны приблизиться к миропониманию культуры Серебряного века.

Ключевые слова: Н. Гумилев; А. Толстой; образ дракона; стихотворение; поэзия; Китай; семантика

Введение

Н. Скатов сравнил поздние стихи Н. Гумилева с «фрагментами античного, средневекового, восточного, китайского и русского мира, сложенные в грандиозную картину бытия, содержащие связь времен и пространств» [5. Т. 1. С. 8]. Среди различных культурных традиций Китай был мечтой поэта, и, возможно, тем самым заветным «Эльдорадо», в поисках которого он провел всю

© Пороль П.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

жизнь. Восточная поэзия была его самой большой страстью [9. С. 202]. По мнению Н.А. Оцуца, Китай дал Н. Гумилеву одну из его любимых тем – тему дракона [11. С. 150].

Исследователи творчества Н. Гумилева неоднократно упоминали присутствующий в его поэзии образ дракона (Д.В. Соколова, И.Ю. Барышникова, Е.В. Климова, О.Л. Данилова, Омри Ронен и др.) (1). Современник Н. Гумилева Э.Ф. Голлербах в рецензии на альманах «Дракон», созданный поэтом, саркастично заметил: «Без змеи он не может, ему непременно подай не дракона, так змею» [10. С. 594].

Целью нашей статьи стало рассмотрение некоторых особенностей китайской семантики образа дракона в поэзии Н. Гумилева.

Обсуждение

Одно из первых изображений дракона в поэзии Н. Гумилева возникло при описании китайских образов в стихотворении «Маскарад» (1907):

В глухих коридорах и залах пустынных
Сегодня собрались веселые маски,
Сегодня в увитых цветами гостинных
Прошли ураганом безумные пляски.

*Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы метались меж ними,
Был факел горящий и лютня, где струны
Твердили одно непонятное имя* [5. Т. 1. С. 116].

«Стихотворение это, – пишет В.В. Бронгулеев, – своеобразный гротеск, сплетенный из причудливых карнавальных образов...» [4. С. 38]. Китай действительно часто воспринимался русскими поэтами как что-то карнавальное, игрушечное: образ Китая, возникший в стихотворении Н. Гумилева «Маскарад», невольно отсылает нас к воспоминаниям К. Бальмонта. Находясь в Харбине, он писал: «Я радуюсь на новые впечатления Дальнего Востока, маленькие беглые улады глаз и души. *Все китайцы, проходящие по улицам, похожи на изваяния, их лица – непроницаемые маски*» [1. С. 96].

Строка из стихотворения «Маскарад»: «Бродили с драконами под руку луны» – вероятно описание китайского праздника, маскарада, «главным героем» которого всегда становился дракон. Можно также предположить, что поэтом была использована определенная китайская символика. Луна в культуре Китая означает возлюбленную. Поэт для Н. Гумилева – это «Властитель вселенной», в контексте китайской культуры властитель – дракон: «И если я волей себе покоряю людей, / И если слетает ко мне по ночам вдохновенье, / И если я ведаю тайны – поэт, чародей, / *Властитель вселенной* – тем будет страшнее паденье» («Я верил, я думал...») [5. Т. 2. С. 92].

В неоконченной поэме Н. Гумилева «В Китае» (1918) (другое заглавие поэмы – «Два сна. Китайская поэма») образ дракона носит «одомашненный» характер, он наделен весьма добродушной внешностью: «Его огромные усы /

Торчали, тучу разрезая, / Две тоненькие стрекозы / На них сидели, отдыхая» («В Китае») [7. С. 41]. Дракон является хранителем семьи Лай-Це, «семейным драконом»: «Когда, как будто донесен / Из-под земли раздался рокот, / Старинный бронзовый дракон / Ворчал на каменных воротах: // “Я пять столетий здесь стою, / А простою еще и десять, / Судьбу тревожную мою / Как следует мне надо взвесить. // Одни и те же на крыльце / Китаечки и китайчонки, / Я помню бабушку Лай-Це, / Когда она была девчонкой. // Одной приснится страшный сон, / Другая влюбится в поэта, / А я, семейный их дракон, / Я должен отвечать за это?”» («В Китае») [7. С. 40–41].

В июле 1918 года поэтом создается цикл китайских стихотворений «Фарфоровый павильон», в феврале 1921 года выходит первый номер альманаха «Цеха поэтов» – «Дракон».

Образ дракона (змеи) в цикле китайских стихотворений Н. Гумилева «Фарфоровый павильон» встречается трижды. В стихотворении, одноименном циклу, он присутствует как бытовая деталь:

И в этом павильоне несколько
Друзей, одетых в платья светлые,
Из чаш, расписанных драконами,
Пьют подогретое вино [6. С. 478].

Упомянутые Н. Гумилевым «чаши, расписанные драконами», возможно, одна из особенностей быта, окружавшего поэта. По словам Л.А. Волынской, у Энгельгардтов хранились отдельные вещи, имевшие отношение к Н. Гумилеву: «Китайский сервиз, который привез отец поэта из плавания (в конце концов от него осталась одна чашка)» [10. С. 389].

Образ дракона для лирического героя в стихотворении Н. Гумилева «Странник» – символ родины, Китая:

Лишь услыша флейту осени,
Переливчатый звон цикад,
Лишь увидя в небе облако,
Распластавшееся как дракон,

Ты поймешь всю бесконечную
Скорбь, доставшуюся тебе,
И умчишься мыслью к родине,
Заслоня рукой глаза [6. С. 482].

Поэт показывает восприятие лирическим героем – китайцем окружающей его действительности: он тоскует по родине так сильно, что даже облако видится ему драконом.

В стихотворении «Поэт» из цикла «Фарфоровый павильон» вновь встречается образ «поэта-дракона»:

Во взоры поэтов, забывших про женщин,
Отрадно смотреться луне,
Как в полные блеска чешуи драконов,
Священных поэтов морей [6. С. 482–483].

Последние две строки стихотворения Н. Гумилева достаточно сложны для интерпретации. Дракон в Китае действительно считался «хозяином водной стихии» (по выражению В.В. Иванова), хранителем воды. Один из способов Н. Гумилева раскрытия образа дракона – описание его чешуи – связан с древней традицией в Китае изображать на одеждах (халате) *императора* драконовую чешую (龙鳞 long lin). Известно стихотворение Ду Фу (杜甫) «Восемь стансов об осени» (秋兴八首 qiuxing ba shou), где есть такие строки: «Ты видишь: ворота дворца Пэнлай / К югу обращены. // Росу собирает столб золотой / Немыслимой вышины. // Ты видишь: вдали, на Яшмовый пруд, / Нисходит богиня фей – // И фиолетовой дымки мираж / Становится все бледней. // Тогда раздвигаются облака – / И вот пред тобой возник // *За блеском драконовой чешуи / Сияющий царский лик*» (перевод А. Гитовича) (2). Чешуя дракона – атрибут самого императора.

В древние времена в Китае никто не смел указать императору на его ошибку, но некоторые справедливые министры все-таки решались заявить императору, что он не прав. Такое поведение называлось «идти против чешуи дракона» (逆龙鳞 ni long lin). В русском языке семантически близкое выражение «против шерсти» – означает «делать что-то против желания человека». В Китае дракон (змея) является символом императора – все императоры Китая считали себя драконами.

Таким образом, строки стихотворения «Поэт» «Как в *полные блеска чешуи драконов, / Священных поэтов морей*» [б. С. 483] имеют глубокий китайский подтекст: поэт – император, поэт – «Властитель вселенной» и в контексте созданной им атмосферы Китая – поэт – дракон.

В стихотворении Н. Гумилева «Рассвет» (1902–1903) основная черта дракона – все та же властительность:

Змей взглянул, и огненные звенья
Потянулись, медленно бледнея,
Но горели яркие каменья
На груди *властительного змея* [5. Т. 1. С. 75].

Заметим, что властительность как основная черта дракона (змея) показана в стихотворении К. Бальмонта «Великое Ничто». Поэт называет дракона «владыкой»: «Дракон, *владыка* солнца и весны...» [2. Т. 4. С. 92–93]. Во второй строфе стихотворения Н. Гумилева «Рассвет» змей назван «дивно светлым»:

Как он *дивно светел, дивно страшен!*
Но Павлин и строг и непонятен,
Золотистый хвост его украшен
Тысячею многоцветных пятен.

Согласно китайской традиции изображения дракона, дракон действительно может быть «дивно светел». В первом словаре иероглифов «Шовэнь цзецзы» («Происхождение китайских иероглифов») говорится, что дракон «может быть ясным» [19. С. 390]. По сюжету стихотворения Н. Гумилева «Рассвет» Змей и Павлин исчезают после приближения к раю, теряя свой обманчивый свет:

Молчаливо ждали у преддверья;
Только ангел шевельнул крылами,
И посыпались из рая перья
Легкими, сквозными облаками.

Сколько их насыпалось, белея,
Словно снег над неокрепшей нивой!
И погасли изумруды Змея
И Павлина веерное диво [5. Т. 1. С. 75].

Метафора «изумруды змея» в стихотворении Н. Гумилева не случайна. В другом произведении поэта «Вверх по Нилу» эпитет «изумрудный» – характеристика крокодила:

«– Говорят, в истоках Нила лихорадки и москиты.

– Да, но там есть также священные крокодилы особенной редкой породы, *изумрудные*» [5. Т. 6. С. 20].

Одно и то же определение «изумрудный», общее для образов крокодила и змея, вполне объяснимо: «Реальной основой для создания типа Д. послужили, по-видимому, некоторые формы гадов, как, например, крокодил, гавиал, *Histiurus amboinensis* и *Agama versicolor* (с гребнями вдоль спины), может быть и *Draco volans*, отчасти также тигр и др. Классические представления о Д. были занесены, как думают, из Египта и создались из смешения представлений о нильском крокодиле и о большом змее...» [17. С. 466].

В стихотворении Н. Гумилева «Змей» (1916) обозначено географическое происхождение змея – *Золотая Орда, китайская равнина*: «Ах, иначе в былые года / Колдовала земля с небесами, / Дива дивные зрелись тогда, / Чуда чудные деялись сами... // Позабыв *Золотую Орду*, / *Пестрый грохот равнины китайской*, / Змей крылатый в пустынном саду / Часто прятался полночью майской. // Только девушки видеть луну / Выходили походкою статной, – / Он подхватывал быстро одну, / И взмывал, и стремился обратно. // Как сверкал, как слепил и горел / Медный панцирь под хищной луною, / Как серебряным звонном летел / Мерный клекот над Русью лесною: // “Я красавиц таких лебедей / С белизною такою молочной, / Не встречал никогда и нигде, / Ни в заморской стране, ни в восточной. // Но еще ни одна не была / Во дворце моем пышном, в Лагоре: / Умирают в пути, и тела / Я бросаю в Каспийское Море. // Спать на дне, средь чудовищ морских, / Почему им, безумным, дороже, / Чем в могучих объятьях моих / На торжественном княжеском ложе? // И порой мне завидна судьба / Парня с белой пастушеской дудкой / На лугу, где девичья гурьба / Так довольна его прибауткой”. // Эти крики слышав, Вольга / Выходил и поглядывал хмуро, / Надевал тетиву на рога / Беловежского старого тура» [5. Т. 3. С. 92–93]. Стихотворение создано на основе известного мифологического сюжета о похищении драконом девушки [8. С. 394].

М.Д. Эльзон в примечаниях к стихотворению Н. Гумилева «Змей» указывает на неясную причину единоборства Вольги и змея, ссылаясь на обычное противостояние в былинах Добрыни Никитича и «Змея проклятого» [6. С. 663]. Однако из работ В.Я. Проппа известно, что Вольга (он также именуется Волх) воюет против Индии, *Золотой Орды* (по сюжету стихотворения

Н. Гумилева змей прилетает из Золотой Орды) и Турции. Свою дружину при совершении жестоких набегов Вольга женит на девушках [12. С. 74–75]. Возникший образ змея и Вольги-охотника вполне закономерен: «Волх рождается оттого, что мать, спускаясь с камня, неосторожно наступает на змея. Змей обвивается вокруг ее ноги, и она зачинает. <...> Когда Волх рождается, звери, рыбы и птицы в страхе прячутся: родился великий охотник» [12. С. 71].

В неоконченном произведении Н. Гумилева «Поэма начала. Книга первая. Дракон. Песнь первая» (1921) поэт создает портретную характеристику «главного героя», используя древнюю антитезу «сон – пробуждение»:

*Пробудился дракон и поднял
Янтари грозовых зрачков.
Первый раз он взглянул сегодня
После сна десяти веков.
И ему не казалось светлым
Солнце, юное для людей.
Был как будто засыпан пеплом
Жар пылавших в море огней [6. С. 296–297].*

Разнообразно описание глаз, взгляда «главного героя». Это и «драконий холодный и скользкий взор», «муть уже потухавших глаз» – вплоть до очень близкого приближения, до возможности рассмотрения сетки вен на веках дракона («багровые сети крокодилых сомкнутых век»).

Создается страшный и правдивый образ дракона, необычный по своей силе, готовый после долгого затишья («после сна десяти веков») прорваться из состояния дремоты к жизни. Поэт снова называет дракона «владыкой»: «На песке пред своим *владыкой* / Начертал таинственный знак» [5. Т. 4. С. 128]. По сюжету поэмы жрец начинает беседу с драконом с помощью «таинственного знака». Строки стихотворения невольно отсылают нас к известному стихотворению Н. Гумилева «Слово» (1919). Проведем текстовые параллели:

**«Поэма начала. Книга первая. Дракон.
Песнь первая» (1921)**

*Но молчал он и черной пикой
(У мудрейших водилось так)
На песке пред своим владыкой
Начертал таинственный знак:
Точно жезл, во прахе лежавший,
Символ смертного естества.
И отвесный, обозначающий
Нисхождение божества,
И короткий, меж них сокрытый,
Точно связь этих двух миров...*

«Слово» (1919)

*Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро, и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.*

В стихотворении «Слово» патриарх «тростью на песке чертил число», в поэме «Дракон» жрец «черной пикой» «начертал таинственный знак». Обратимся к строкам поэмы: «Точно жезл, во прахе лежавший, – / Символ смертного естества». В славяно-русской традиции встречаем обратное: «жезлом из корня Иисеева и цветом от него» (кондак Рождества Христова, песнь 4-я) именуется сам Христос. Рождение Христа, крестная смерть, сам символ Кре-

ста становятся «символом воскресения», после сошествия во ад человеку дается естество бессмертное – вечная жизнь.

Следующие строки «Поэмы начала» графически напоминают начертание «креста» или иероглифа с написанием *откидной черты*, обозначающего божество: «И *отвесный* (3), обозначающий / Нисхождение божества, / И короткий, меж них сокрытый, / Точно связь этих двух миров... [6. С. 298].

Н. Гумилев был знаком на практике с китайской иероглифической письменностью, о чем свидетельствует Н.А. Энгельгардт: «Помню елку у поэта, где был, между прочим, известный писатель Корней Иванович Чуковский. Гумилев читал мне две песни поэмы, которая потом пропала. Это были две картины: Китай и Индия. Поэма была необыкновенно талантлива. Поэту удалось уловить дух и всю противоположность культуры Китая и Индии. Я заинтересовал его Китаем настолько, что он взял у меня несколько уроков китайских иероглифов» [10. С. 382].

В последующих строках поэмы жрец произносит: «И я знаю, что заповедней / Этих *сфер, и крестов, и чаи*, / Пробудившись в свой день последний, / Нам ты знанье свое отдашь» [5. Т. 4. С. 128]. «День последний» – возможно, реминисценция к Апокалипсису и «числу зверя» (в тексте поэмы Н. Гумилев называет дракона «зверем»: «Поднял правую лапу зверя»). В начале поэмы упоминаются животные: «красный бык», «огромная птица», которая «парит», «лев» с «благородным сердцем» – возможно, символы евангелистов.

Описывая начало Вселенной, поэт создает образ дракона, который становится «земною корой, разметавшеюся равниной, притаившеюся горой». Согласно древним китайским мифам, земля была создана из дракона: «Представление о том, что земля создана из дракона или змеи, было вытеснено понятием о хаосе как бесформенной массе, но во многих мифах сохранились следы того, что он был когда-то олицетворением водной стихии. В китайских мифах хуан-ди (хаос) – сын птицы Ди-цзян. Это чудовище желтого или огненно-красного цвета» [15. С. 26–27].

Можно предположить, что увлечение Н. Гумилева образом дракона приобретает вопрос о некой «поэтической традиции» и что за этим образом стоит не только стремление поэта к экзотике.

Известно, что поэтическое творчество и становление Н. Гумилева связано с другим выдающимся поэтом Серебряного века – И. Анненским («Он вбрасывал в пространство безымянных / Мечтаний – слабого меня») (4), который на материале поэзии А.К. Толстого написал статью для начинающих литераторов «Сочинения гр. А.К. Толстого как педагогический материал». В ней И. Анненский, анализируя произведение А.К. Толстого «Дракон», замечает: «Описание чудовища есть, может быть, лучшее из того, что когда-нибудь написал Толстой» [15. С. 501]. Несомненно, Н. Гумилев знал и ценил творчество А.К. Толстого. Более того, в 1921 году Н. Гумилев редактировал его собрание сочинений (5).

Обращаясь к теме концепции исторического развития Вселенной, А.К. Толстой в год своей смерти создает поэму «Дракон» (1875). Н. Гумилев в последний год своей жизни пишет «Поэму начала» (1921).

Проведем текстовые параллели фрагментов поэм А.К. Толстого и Н. Гумилева:

А.К. Толстой «Дракон» (1875)

И вот глаза зардели, как лампы, –
Под тяжестью ожившею утес
Затрепетал – и сдвинулась громада

И поползла... *Мох, травы, корни лоз,*
Все, что срастись с *корой* успело змея,
Все выдернув, с собою он понес.

Сырой землей запахло; мы ж, не смея
Дохнуть, лежали ниц, покуда он
Сползал с высот, чем дале, тем быстрее...

Н. Гумилев «Поэма Начала. Книга первая. Дракон. Песнь вторая» (1921)

Лебедь стал сияющей льдиной,
А дракон – земною корой,
Разметавшеюся *равниной,*
Притаившеюся *горой.*

В поэме Н. Гумилева дракон становится «земною корой», «равниной». Он не умирает, растворяясь в природе, превращается в «притаившуюся гору»: «Этот камень рычал когда-то, / Этот плющ парил в облаках» («Поэма начала») [5. Т. 4. С. 125]. Создается картина событий, произошедших до тех, которые описал в своей поэме А.К. Толстой: дракон оживает, трепещет утес, и громада-гора приходит в движение – дракон больше не таится, но выступает в своем обликии.

Впервые образ горы-дракона (утеса-дракона) возник у Н. Гумилева, вероятно, еще в 1908 году в стихотворении «В пути». Именно «утес» упоминается в поэме А.К. Толстого «Дракон»: «Под тяжестью ожившею *утес* / Затрепетал – и сдвинулась громада» («Дракон») [14. С. 233].

Стихотворение Н.С. Гумилева «В пути»

Кончено время игры,
Дважды цветам не цвести.
Тень от гигантской горы
Пала на *нашем* пути.

Область унынья и слез –
Скалы с обеих сторон
И *оголенный утес,*
Где распростерся дракон.

Острый хребет его – крут,
Вздых его – огненный смерч.
Люди его назовут
Сумрачным именем: Смерть.

Поэма А.К. Толстого «Дракон»

...Но устремив мой взор
Перед собой, я напрягал вниманье,
Туман же все редел с недавних пор;

И только он рассеялся – не зданье
Нам показал свободный солнца свет,
Но чудное в *утесе* изваянье:

Что я стеной считал, то был хребет
Чудовища, какому и примера,
Я полагал, среди живущих нет.

Сопоставим лексику двух текстов:

- на *нашем пути, оголенный утес, острый хребет* – у Гумилева;
- *нам, чудное в утесе изваянье, хребет* – у Толстого.

В поэме А.К. Толстого и в стихотворении Н.С. Гумилева дракон не мифологический персонаж, но реальный, сосуществующий со всей земной действительностью: людьми и природой. В поэме А.К. Толстого образ *дракона* – *при-*

таившейся горы явился движущей силой к дальнейшему развитию сюжета поэмы. Разбуженный камнем дракон становится смертью для всего живого на земле. Можно предположить, что Н. Гумилев, создавая раннее свое стихотворение «В пути» (1908) и позднюю «Поэму начала» (1921), помнил об атмосфере поэмы А.К. Толстого «Дракон», отличающейся «почти дантовской образностью и силой» (выражение И. Тургенева) (6). Важно, что один и тот же образ *дракона – притаившейся горы* встречается и в раннем, и в позднем произведениях Н. Гумилева.

Образ *притаившейся горы* в поэме Н. Гумилева, возможно, восходит к одному из китайских мифов о сотворении Вселенной: «В Китае рассказывали, что когда умер тянь-цзы (сын неба) с телом змеи и головой дракона, прозванный Пань-гу, то дыхание его сделалось ветром и облаками, голос – громом, левый глаз – солнцем, правый – луною, туловище с руками и ногами – четырьмя странами света, кровь – реками, волосы на голове – звездами, мелкие волосы кожи – деревьями и травой...» [16. С. 47].

Возникновение образа притаившегося дракона в поэтическом мире Н. Гумилева могло иметь и более глубокие корни. В китайском языке существует устойчивое словосочетание, лексема «притаившийся дракон» (卧龙 wo long). «Притаившимся» («спящим») драконом (卧龙 wo long) именуется человек, чей талант чаще всего скрыт от окружающих. К примеру, этим именем называется герой «Записей о Трех царствах» Чэня Шоу, государственный деятель Чжугэ Лян: 诸葛孔明者，卧龙也，将军岂愿见之乎？(Zhuge kongming zhe, wolong ye, jiangjun qi yuan jian zhi hu) [18. С. 678].

В таком случае становится вполне закономерным «странное» притяжение поэта к теме дракона, возникновение выражения «притаившейся горы» в его неоконченной «Поэме начала».

Заключение

В свете всего сказанного можно утверждать, что образ дракона в поэзии Н. Гумилева полисемантичен: дракон – поэт («Поэт»), мифологический образ («Змей»), составляющая деталь китайского маскарада («Маскарад»), бытовая деталь («Фарфоровый павильон», «Я верил, я думал...») и т.д. Отличительные черты образа дракона (природа гада, мнимая светозарность или светлость, его «географическое происхождение»), несомненно, содержат китайский подтекст. Сложность и многообразие этого образа свидетельствует о глубоких знаниях поэтом культуры Китая. Стремление автора изобразить Китай не только в личностном восприятии, но и взглянуть на мир глазами древнего китайца («Странник»), свидетельствует о сильной эмоциональной привязанности поэта к этой стране.

«Дантовская образность и сила» поэмы А.К. Толстого «Дракон» не могла не повлиять на созданные Н.С. Гумилевым стихотворение «В пути» (1908) и «Поэму начала» (1921). Можно утверждать, что стихотворение Н. Гумилева «В пути» – своеобразное «переложение» поэмы А.К. Толстого «Дракон». По-

втор сюжетной линии произведений, сходство поэтической лексики, описание отдельных деталей образов подтверждает это.

Остается заметить, что образ дракона стал одним из самых частотных в последние годы жизни поэта. Для Н. Гумилева дракон – символ китайской культуры – был не только экзотическим образом в его поэзии, но и, может быть, судьбоносным предчувствием собственного конца, несовместимой совместимостью мифа и жизни.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90016.

Примечания

- (1) *Соколова Д.В.* Поэтическая фауна Н.С. Гумилева // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2006. № 1. С. 129–137; *Барышникова И.Ю.* Апокалиптический образ падающей звезды (кометы) в русской поэзии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 382–386.; *Климова Е.В.* Николай Гумилев и Андрей Белый (опыт сравнения теоретико-литературных взглядов) // Литературоведческий сборник. 2006. Вып. 26–27. С. 101–106.; *Данилова О.Л.* Лексико-тематические особенности создания «чужого мира» в поэзии Н. Гумилева // Слово, высказывание, текст: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 25 сентября 2015 г. Н. Новгород: Профессиональная наука, 2015. С. 5–9; *Ronen O.* Two acmeist images of unintelligible poetry // *Philologica*. 2003/2005. Vol. 8. No. 19/20. Pp. 259–270.
- (2) В оригинале эти строки звучат так: 云移雉尾开宫扇，日绕龙鳞识圣颜 (Yun yi zhi wei kai gong shan, ri rao long lin shi sheng yan) – Двигается, как облако, и открывает хвост фазана – опахало, / Солнце обхватывает кольцом лицо сына неба (императора) в чешуях дракона.
- (3) «Отвесный» могло быть взято из поэмы А.К. Толстого «Дракон», там есть такая строка: «Когда же вниз отвесно пал наш взор...» [14. С. 236].
- (4) Стихотворение Н. Гумилева «Памяти Анненского» (1911).
- (5) Об этом упоминает в своем дневнике Павел Лукницкий [9. С. 256].
- (6) Странное совпадение (?), но, рецензируя «Поэму начала», Э.Ф. Голлербах написал: «...в “Поэме начала” Гумилев размахивается на подобие Гете или Данте» [10. С. 594].

Список литературы

- [1] *Азадовский К.М., Дьяконова Е.М.* Бальмонт и Япония. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 190 с.
- [2] *Бальмонт К.Д.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2010.
- [3] *Белый А.* Апокалипсис в русской поэзии. Public Domain, 1905. 16 с.
- [4] *Бронгулеев В.В.* Посредине странствия земного: документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева: годы 1886–1913. М.: Мысль, 1995.
- [5] *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Воскресенье, 2001.
- [6] *Гумилев Н.С.* Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. 736 с.
- [7] *Гумилев Н.* Неизданное и несобранное. Париж: YMCA-PRESS, 1986. 297 с.
- [8] *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Дракон // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А – К / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 394–395.

- [9] Лукницкая В. Николай Гумилев: жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990. 302 с.
- [10] Гумилев Н. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. 678 с.
- [11] Оцуп Н. Николай Гумилев. Жизнь и творчество / пер. с франц. Л. Аллена при участии С. Носова. СПб.: Logos, 1995. 200 с.
- [12] Пропт В.Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. С. 71.
- [13] Славянская мифология: энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2011. 512 с.
- [14] Толстой А.К. Избранное / вступ. ст. и примеч. А. Тархова. М.: Правда, 1986. 476 с.
- [15] Толстой А.К. Стихотворения. Поэмы. Князь Серебряный. Сочинения Козьмы Прутков. М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 583 с.
- [16] Шахнович М.И. Мифы о сотворении мира. М.: Знание, 1968. 60 с.
- [17] Энциклопедический словарь: репр. воспроизведение изд. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1890 г.: в 82 т. Т. 21. М.: Терра, 1991. 466 с.
- [18] 陈寿(撰). 裴松之(注). 三国志. 北京: 中华书局, 1999. 678页. [Чэнь Шоу. Пей Сонгжи (комментарии). Записи о Трех царствах. Пекин: Чжунхуа, 1999. 678 с.]
- [19] 许慎. 说文解字. 北京: 中华书局, 1985. 558页. [Сюй Шэнь. Шовэнь цзецзы. Пекин: Чжунхуа, 1985. 558 с.]

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 сентября 2019

Дата принятия к печати: 04 октября 2019

Для цитирования:

Пороль П.В. Образ дракона в поэзии Н. Гумилева: китайский подтекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 691–703. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-691-703>

Сведения об авторе:

Пороль Полина Вадимовна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов. E-mail: olgaporol@mail.ru

Research article

The image of a dragon in the poetry of N. Gumilev: Chinese subtext

Polina V. Porol

People's Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

The article discusses the image of a dragon in the poetry of N. Gumilev. New in the work is the hypothesis on the intertextuality of the poems by N. Gumilyov “The Poem of the Beginning” and A. Tolstoy’s “Dragon”. The Chinese subtext of the image of the dragon in the poetry of N. Gumilev is grounded. The relevance of the topic is due to the development of the study of the mutual perception of Russian and Chinese cultures in the space of a poetic text. At the same

time, the problem of reception of the image of China in the poetry of the Silver Age remains not yet fully understood. The objectives of the study were to identify, describe and interpret the Chinese subtext of the image of the dragon in the poetry of N. Gumilev; consideration of the author's reception; comparing the perception of the image of the dragon in the culture of Russia and China. The results of the study showed: the frequency of the image of the dragon in the poetry of N. Gumilyov, the poet's use of this image as originally Chinese; the relationship of the description of the image of the dragon in the works of N. Gumilyov and A. Tolstoy; the poet's appeal to Chinese mythology and hieroglyphic writing. The author's reasoning and conclusions are based on critical research, a comparison of two cultures. An analysis of the poetic works of N. Gumilev was carried out in a semantic aspect using the method of text parallels. The study of the image of the dragon in the poetry of N. Gumilev allows to approach the worldview of the culture of the Silver Age on one more side.

Keywords: N. Gumilev; A. Tolstoy; the image of a dragon; poem; China; Chinese image; semantics

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90016.

References

- [1] Azadovskij K.M., D'yakonova E.M. *Bal'mont i Yaponiya [Balmont in Japan]*. Moscow: Nauka Publ., 1991. 190 p.
- [2] Bal'mont K.D. *Sobranie sochinenij [Collected works]*: in 7 vols. Moscow: Knizhnyj klub "Knigovok", 2010.
- [3] Belyj A. *Apokalipsis v russkoj poezii [Apocalypses in Russian poetry]*. Public Domain, 1905. 16 p.
- [4] Bronguleev V.V. *Posredine stranstviya zemnogo: dokumental'naya povest' o zhizni i tvorchestve Nikolaya Gumileva [The last voyages at the earth: about life and creativity of N. Gumilev]: gody 1886–1913*. Moscow: Mysl', 1995.
- [5] Gumilev N.S. *Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]*: in 10 vols. Moscow: Voskresen'e Publ., 2001.
- [6] Gumilev N.S. *Stihotvoreniya i poemy [Verses and poems]*. Saint Petersburg: Akademičeskij proekt Publ., 2000. 736 p.
- [7] Gumilev N. *Neizdannoe i nesobranoe [Unreleased]*. Paris: YMCA-PRESS, 1986. 297 p.
- [8] Ivanov V.V., Toporov V.N. *Drakon [Dragon] // Mify narodov mira [The myths of the world]*: encyclopedia: in 2 vols. Vol. 1. A – K / ed. by S.A. Tokarev. Moscow: Sov. enciklopediya Publ., 1991. Pp. 394–395.
- [9] Luknickaya V. *Nikolaj Gumilev: zhizn' poeta po materialam domashnego arhiva sem'i Luknickih [Poet's life as to the materials of Luknicki's family archive]*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1990. 302 p.
- [10] Gumilev N. *Issledovaniya i materialy. Bibliografiya [Researches and materials. Bibliography]*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1994. 678 p.
- [11] Ocup N. *Nikolaj Gumilev. Zhizn' i tvorchestvo [Nikolaj Gumilev. Life and creativity]*. Saint Peterburg: Logos Publ., 1995. 200 p.
- [12] Propp V.Ya. *Russkij geroičeskij epos [Russian heroic epos]*. Moscow: Labirint Publ., 1999. P. 71.
- [13] *Slavyanskaya mifologiya [Slavonic mythology]*: encyclopaedic dictionary. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2011. 512 p.

- [14] Tolstoj A.K. *Izbrannoe [Collected works]* / introductory article and notes by A. Tarhova. Moscow: Pravda Publ., 1986. 476 p.
- [15] Tolstoj A.K. *Stihotvoreniya. Poemy. Knyaz' Serebryanyj. Sochineniya Koz'my Prutkova [Verses. Poems. The knight Serebryany. Writings of Kozma Prutkov]*. Moscow: Olimp Publ.; AST Publ., 1999. 583 p.
- [16] Shahnovich M.I. *Mify o sotvorenii mira [The myths about world creation]*. Moscow: Znanie Publ., 1968. 60 p.
- [17] *Enciklopedicheskij slovar'*: repr. vosproizvedenie izd. F.A. Brokgauz – I.A. Efron, 1890 g.: in 82 vols. Vol. 21. Moscow: Terra Publ., 1991. 466 p.
- [18] 陈寿(撰). 裴松之(注). 三国志. 北京: 中华书局, 1999. 678页. [Chen Shou. *Peisongzhi (zhu). San guo zhi*. Beijing: Zhonghua shuju, 1999. 678 ye.]
- [19] 许慎. 说文解字. 北京: 中华书局, 1985. 558页. [Xu Shen. *Shuowen Jiezi*. Beijing: Zhonghua shuju, 1985. 558 ye.]

Article history:

Received: 22 September 2019

Revised: 25 September 2019

Accepted: 04 October 2019

For citation:

Porol P.V. (2019). The image of a dragon in the poetry of N. Gumilev: Chinese subtext. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(4), 691–703. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-691-703>

Bio note:

Polina V. Porol, postgraduate of Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: olgaporol@mail.ru